

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

АРТИКУЛЯЦИЯ ЦЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЛАНДШАФТОВ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ КУЗБАССА

Александра Евгеньевна Пискунова
(alexpiskunova@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Пискунова А.Е. (2025) Артикуляция ценности природных ресурсов и ландшафтов в дискурсивных практиках Кузбасса. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 133–159. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.6> EDN: BZWBBE

Аннотация. Статья посвящена дискурсу о природных ресурсах и ландшафтах Кузбасса как способу установления их ценности. Такая дискурсивная работа влияет, как показывает автор, на освоение природы. Ресурсопользование непременно связано с вопросами, что именно имеет значение в окружающей среде и как это нужно оценивать. Обращаясь к теории, автор демонстрирует, что природные ресурсы и ландшафты не обладают универсальной ценностью, а приобретают ее в процессах конкуренции и борьбы значений. Приводятся доводы в пользу понимания природных объектов в рамках реализации дискурсивных практик, сфера действия которых распространяется как на уровень языка, так и на уровень действия в конкретном социально-материальном пространстве. На основе анализа материалов публичного дискурса Кузбасса выделены четыре дискурсивных поля, относящиеся к четырем видам природных богатств региона. Во-первых, угледобыча, которая обретает доминирующий символический статус. Уголь метонимически представляет регион и ценится за развитие экономики и обеспечение благополучия. В этой связи ландшафт Кузбасса дискурсивно подчинен ценности ресурса, получение которого позволяет управлять землями как «местоположением ресурса», лишенным локальных особенностей. Во-вторых, золотодобыча, которая присутствует на периферии публичного дискурса региона и характеризуется меньшей согласованностью и фиксированностью значений. Ценностные противоречия связаны с определением воздействия на речные ландшафты, которые в дискурсивных практиках золотодобывающих компаний, государственной власти и активной общественности обладают разными материальными возможностями и свойствами. В-третьих, практики лесопользования, которые воплощают ценности устойчивого и рационального освоения природы. Дискурсивная практика регионального управления задействует лес как потенциальный товар (древесину), отбрасывая его значимые экосистемные функции. В-четвертых, туристический потенциал территории, включающий, как природные, так и про-

мышленные ландшафты. В заключении статьи делается вывод о том, что в артикуляции дискурсов различных акторов одни и те же природные объекты (недра, леса, водоемы и пр.) обретают разное ценностно-смысловое и материальное существование.

Ключевые слова: природные ресурсы, угледобыча, золотодобыча, лесопользование, туризм, ландшафт, ценности, Кузбасс, ресурсный регион.

Введение

Развитие современных обществ ключевым образом связано с освоением различных природных ресурсов (полезные ископаемые, почва, вода, растительность, животный мир). «Ресурсное мышление», плотно вошедшее в наши отношения с миром, реализуется в практиках производства окружающей среды (Peša, Ross 2021). Тому, что воспринимается как ресурс, соответствует облик территории, которая, например, становится местом доступа к залежам полезных ископаемых или живописным туристическим ландшафтом. Другими словами, окружающая среда как смысловой и эмпирический феномен производится в отношениях и деятельности, представляющих одни вещи или явления значимыми и полезными, а другие — нет. Настоящая статья развивает данную идею, стремясь на основе публичного дискурса современной Кемеровской области — Кузбасса выявить различные перспективы и практики присвоения ценности природным ресурсам и ландшафтам. Кузбасс один из наиболее заметных ресурсных регионов на современной карте России. Длительная история освоения угля, связанные с этим устойчивые формы природопользования и экологические последствия, а также реализация современных проектов территориального развития делают Кузбасс значимым объектом изучения. О сложных социальных и политических процессах создания ценности в пространстве ресурсного региона свидетельствуют активные институциональные изменения. В 2018 г. в администрации области появилась новая должность — заместитель губернатора по промышленности, транспорту и экологии (Бормотова 2018). Логика регионального управления тесно связывает промышленное развитие, природные ресурсы и экологические вопросы. Особая роль добычи полезных ископаемых отмечена появлением в регионе в 2020 г. первого в стране (и единственного на данный момент) Министерства угольной промышленности (Администрация Правительства Кузбасса 2020).

Статья представляет анализ с теоретических позиций политической экологии. Центральная предпосылка подхода состоит в том, что экологические изменения невозможно понять без учета политических и экономических структур и институтов, в рамках которых они происходят

(Escobar 1999). Данная исследовательская перспектива позволяет привлечь внимание к изменчивым представлениям природы и окружающей среды, которые не естественны, а являются результатом политических процессов. Таким образом, освоение природных ресурсов представляется пронизанным отношениями власти (Mateer et al. 2022), в контексте настоящей статьи — власти устанавливать, что ценно в природе и как ее следует использовать. Важен акцент на действующих лицах и действиях (стратегиях управления, оспаривании, конфликтах), ответственных за экологические последствия. Чтобы прояснить эти аспекты, необходимо задаться следующими вопросами: какие части природы считаются ценными? Для чего они ценны? Что они могут / должны делать? Как люди могут взаимодействовать с окружающей средой? Что не представляет ценности? Чьим интересам отвечают конкретные практики природопользования?

Природные ресурсы и ландшафты в практиках присвоения ценности: теоретический аспект

Статья развивает идею о том, присутствие природных ресурсов и ландшафтов в общественной жизни фундаментальным образом связано с ценностями. Современные исследования выходят за рамки статичных представлений о ценности как значимом различии и стремятся продемонстрировать их культурно обусловленную природу (Steinert 2023). Вещи не ценны сами по себе, ценность не сводится к материальности объекта, не представляет исключительно экономический смысл, выраженный в денежных формах, таких как цена. Она определяется укоренившимися в обществе нормами, убеждениями, символами и производится в деятельности социальных субъектов. «Ценности» представляют критерии, по которым люди судят о том, что может считаться хорошим, надлежащим или желательным в жизни человека и общества. Динамика социальных, символических, политических структур и практик обуславливает нестабильный и изменчивый характер ценностей (Heinich 2020). Поскольку вещи и объекты в разных условиях и контекстах могут быть классифицированы по-разному, одновременно может сосуществовать множество систем ценности, которые основаны на альтернативных, а иногда и несовместимых представлениях о том, что ценно, критериях ценности, принципах оценки.

Доминирующие ценности реализуются в понимании природы и взаимоотношениях общества с окружающей средой. Не существует единой, «абсолютной» природы, которую все люди во всех местах и во все времена признают таковой. Всегда имеет место определенный «проект», идея природы, сформированная исторически, географически и социально

(Макнотен, Урри 1999). Природу можно понимать как *социально сконструированную* в двух смыслах (Peterson 1999). Во-первых, разные люди, времена и общества создают определенные версии природы, задают ее отличное символическое устройство. То, что «сконструировано» в этом смысле — это не сами материальные объекты (леса, животные или реки), а их идентичность и ценность в определенном контексте. Во-вторых, природа буквально физически производится обществом: большая часть того, что мы называем «природой», от городских парков до тропических лесов, фактически сформирована действиями человека. «Дикая природа» является таким же общественным изобретением, как и сад или заповедник. Преобразование окружающей среды воплощает ценности определенных групп, представляется ли она «храмом», «мастерской», «лабораторией», «хранилищем материалов» или чем-то еще.

«Ресурсы», по замечанию географа Г. Бриджа, являются первичной категорией, с помощью которой мы организуем наши взаимоотношения с нечеловеческим миром в процессе того, как некоторые его компоненты начинают приобретать (или терять) социальную ценность (Bridge 2009). В обыденном представлении под ресурсами обычно понимают все, что воспринимается кем-либо как средство достижения цели или удовлетворения какой-либо потребности или дефицита (Ожегов 1975). В современных дискуссиях понятие (природных) ресурсов все чаще используется как «функциональное» и «относительное» к потребностям и возможностям людей, тем самым указывая на то, что ценится в определенном пространстве в данное время (Franquesa 2019). Конкретная «вещь» биофизического мира может быть понята принципиально по-разному, будучи встроенной в различные социокультурные пространства, конкурирующие системы смысла и ценности. Например, источники воды (реки, водоемы) могут быть основой средств к существованию у сельских общин; частью отношений, обеспечивающих культурную самобытность и мировоззрение коренных народов «топливом» гидроэлектростанций; сырьем в технологических операциях по добыче и переработке руды (Li, Velásquez 2022). Природные ресурсы приобретают ценность в *процедурах оценки*. В сфере отраслевого и регионального природо- и недропользования ключевыми являются измерения количества и качества запасов; определение планируемых показателей добычи; расчет стоимости запасов и ее динамики; прогнозы потенциальных доходов; разработки технико-экономического обоснования проектов добычи. Важно подчеркнуть, что для извлечения ценности из той или иной «вещи» необходимо, во-первых, ее определить, присвоить значение и, во-вторых, организовать и осуществить материальные практики.

Отношения ценности, особенно по поводу природных ресурсов, предполагают специфические пространства — в социокультурном и эмпирическом плане. Представление о сложных природно-культурных территориальных образованиях фиксируется в понятии ландшафта (Колбовский 2018). Изначально термин «ландшафт» относился главным образом к внешнему облику территории или к рельефу, к относительно однородному участку местности. Однако его переосмысление позволило отойти от ограничивающих строгостей географического описания. Суффикс *-scape* стал использоваться в самых разных контекстах, чтобы подчеркнуть представления о пространствах и территориях не как «объективно данных», а как о постоянно меняющихся средах, в которых мы живем (Neumann 2011). Ландшафт не пассивный отпечаток человеческой деятельности, а «область действия», конструкция, подверженная влиянию исторической, социальной и политической ситуации различных типов акторов, дискурсов и отношений.

Ландшафтное понимание позволяет подчеркнуть сложные и динамичные реалии, возникающие с освоением природных ресурсов. Новые концепции *minescape* (Ey, Sherval 2016) и *energy landscape* (Calvert, Greer, Maddison-MacFadyen 2019), их конкретные интерпретации (например, нефтяной ландшафт — *oilscape* (Schöneich 2023)), призваны показать пространства природо- и недропользования как нечто большее, чем просто набор технологических, экономических и политических процессов. Они описывают локализованные миры, в рамках которых ресурсы обретают смысл и ценность. В них сложным, нелинейным образом переплетено материальное и дискурсивное: в преобразование окружающей среды, в физический облик ландшафта вписаны надежды, страхи, воспоминания, идентичности, привязанности.

Между природными ресурсами и ландшафтами устанавливаются сложные взаимосвязи, корень которых — в особой сущности земли (*land*). Она предполагает иное обращение, чем более привычные для нашего воображения ресурсы вроде угля или нефти. Даже если некоторые ее элементы можно переместить или преобразовать (рельеф, почва, растительный и животный мир), землю нельзя полностью извлечь, отделить от естественного окружения — она «остается на месте». Хотя к ней часто относятся как к вещи, а иногда и как к товару, земля обладает конкретным местонахождением и локализацией. Эта особенность, как указывает Т. Мюррей Ли, обеспечивает ее особенно богатый и разнообразный набор «возможностей» — применений и ценностей, которые она представляет (Li 2014). Диапазон использования земли человеком огромен: она может быть источником продовольствия и топлива, местом для строительства,

территорией для добычи полезных ископаемых или «пристанищем» духов. Земля для фермера — это не то же самое, что для сборщика налогов (Labrador, José 2020). Ее ценность и использование нестабильны и могут быть оспорены.

Природные ресурсы и ландшафты взаимообусловлены, именно в отношении они предоставляют друг другу (всегда локальную, часто текучую) «сущность».

1. В связи с высокой ценностью определенных веществ и материалов в результате практик природопользования появляются специфические ландшафты (Nuttall 2022). На уровне материального мира совершаются физические изменения — бурение скважин, вырубка лесов, на месте гор образуются глубокие карьеры, строятся перерабатывающие заводы. На уровне смыслов происходит формирование социальной значимости соответствующих пространств. В. Давидов говорит о «метонимической материальности», когда определенные части природной среды становятся знаковыми для места, приобретают доминирующее значение и ценность (Davidov 2014). В разное время на одной территории разные природные ресурсы (плодородная почва, полезные ископаемые, флора) могут представлять экономические и социальные возможности, символизируя весь ландшафт как «сельскохозяйственный регион», «сокровищницу меди» или «среду биоразнообразия». Некоторые объекты или явления окружающей среды успешно становятся метонимическими благодаря реализации власти и властных отношений в контексте конкурирующих и оспариваемых ценностей.

2. В определенной конфигурации ландшафта распознается то, что будет цениться как ресурс. Известная книга А.Л. Цзин о грибах мацутакэ, которые растут на руинах глобального капитализма, ярко демонстрирует сменяющиеся системы ценностей (Цзин 2017). Промышленное освоение оregonской древесины привело к масштабной вырубке леса, оставив после себя опустошенные территории. Однако в них обнаружилась другая ценность — возможность торговли редкими видами грибов. Н. Бришет и Ф. Хаструп, проследившая ландшафтную историю конкретного региона, указывают, что ресурсы становятся случайными политическими достижениями, которые постоянно меняются вместе с политико-экологическими проектами, которые призваны их использовать (Brichet, Nastrup 2018). Динамика ценности земли и местности приводит к востребованности определенных ее частей в качестве ресурсов.

Неоднократно подчеркивалось, что освоение окружающей среды представляет не единый согласованный процесс, а складывается из различных сосуществующих значений и практик (Ferry, Nash 2005). Их координацию

следует рассматривать как по сути политический процесс. Создание и навязывание одних свойств окружающей среды и стирание других является результатом властных отношений. Таким образом, управление окружающей средой становится выражением политики ценности (Reinecke 2012). Это процесс артикуляции, установления и контроля над тем, что такое ценность, какие и чьи ценности имеют значение (McAuliffe, Rogers 2019). В него вовлечены многочисленные субъекты со своими представлениями, интересами и возможностями. Ввиду этого установление ценности сопряжено с конфликтами, оспариванием неравенства и исключений, нереализованными возможностями.

Таким образом, осмысление природных ресурсов и ландшафтов как *представляющих определенные ценности* позволяет прояснить вопросы, связанные с тем, что люди признают ресурсами в данный момент и какие ресурсы считаются достойными освоения, какой ценой и с какими последствиями.

Методология и материалы

Установка на изучение процессов создания смыслов и приписывания значений определяет исследование в русле дискурс-аналитического направления. Дискурс-анализ представляет собой не столько метод, сколько методологию, базирующуюся на прочной социально-конструктивистской точке зрения на социальную реальность (Филлипс, Харди 2009). В общем виде дискурс понимается как «язык в его использовании». В фокусе дискурс-анализа — практики, обладающие семиотическим содержанием, сфера языковых высказываний, будь то речь, письмо, визуальный образ, жесты и пр. (Кожемякин 2006). При этом в ряде концепций роль дискурса не сводится к языковому опосредованию практик — он творит социальный порядок, организуя формы взаимодействия, порождая и закрепляя отношения власти.

Однако основные положения распространенных подходов не вполне согласуются с замыслом настоящего исследования. Во-первых, в них дискурс относится исключительно к сфере коммуникативного события (действия). Во-вторых, дискурс определяется как форма социальной практики, т.е. некоторые аспекты социального мира представляются функционирующими согласно другой логике, чем логика дискурса. Концептуальное видение, изложенное в предыдущем разделе, демонстрирует, что обсуждение природных ресурсов и ландшафтов касается не только конструирования и воспроизводства значений и смыслов, но и того, как они задействованы материально. Этому в большей степени соответствует подход к дискурсу, считающий все социальное продуктом дискурсивных про-

цессов и тем самым устраняющий различие между дискурсивными и не дискурсивными практиками (Ромашко, Гурова 2022).

Настоящее исследование исходит из следующих методологических положений: 1) объекты и явления сами по себе не обладают значениями; значения им приписывают люди посредством дискурсов; 2) значения открыты и не являются завершенными; они находятся в процессах постоянного изменения, которые включают в себя «работу» по их временному и частичному фиксированию; 3) дискурс приводит в действие физические объекты, поэтому он материален/перформативен и институты и инфраструктуры являются его частями; 4) феномены реальны (имея в виду онтологическое измерение) как феномены-в-дискурсивной-практике. Вместо атрибутов или аспектов они представляют собой *разные* версии объектов и явлений в зависимости от дискурса; 5) дискурсы находятся в постоянном взаимодействии и конфликте, непрерывно ведут конкурентную борьбу за означивание, за победу определенного способа интерпретации.

В свете обозначенных принципов природопользование можно определить, как развертывание сосуществующих (и часто конкурирующих) дискурсивных практик, которые определенным образом задействуют объекты и явления окружающей среды. Они реализуются благодаря артикуляции, процессам структурирования социальной реальности, в ходе которых придаются и закрепляются значения, устанавливаются и воспроизводятся практики и идентичности.

Областью наиболее зафиксированных и доминирующих значений является публичный дискурс. В качестве данных для анализа были взяты официальные документы (законы, постановления, приказы), комментарии экспертов и чиновников из официальных информационных каналов структур государственного управления, публикации региональных СМИ, материалы официальных сайтов добывающих предприятий, пользовательская активность в социальных медиа. Отобранные материалы связаны с управлением природными богатствами Кузбасса и посвящены практикам масштабного освоения окружающей среды региона с точки зрения экономических эффектов, объемов деятельности, социально-экологических последствий. Собранный корпус материалов за 2022–2024 гг., представленный вербальными текстами и фотоматериалами, позволяет прояснить, как в разных дискурсивных практиках материально и семантически *существуют* природные ресурсы и ландшафты региона.

В работе с материалом реализована «восходящая» стратегия дискурс-анализа, состоящая в реконструкции дискурса, обнаружении дискурсивных «фреймов», определяющих видение мира (Троцук 2015). Последова-

тельный анализа конкретных дискурсивных актов позволяет установить общие устойчивые практики дискурса и сформулировать представление об изучаемом явлении в целом. Методика дискурс-анализа предполагала соотнесение материала со следующими вопросами: 1) на уровне конкретного дискурса — какие взаимосвязанные смыслы и тематики составляют дискурс? Как «сцепляются» смыслы, создавая определенные системы координат? Какие несказанные и невысказанные допущения имплицитно присутствуют в актах артикуляции того или иного дискурса?; 2) на уровне дискурсивного поля — какие различные дискурсивные практики реализуются? Каковы субъекты производства и распространения дискурсов? Какие дискурсы являются доминирующими и воспринимаются как естественные? В чем различие дискурсов, между которыми наблюдается антагонизм?

Ценность природных ресурсов и ландшафтов в дискурсивных практиках Кузбасса

Кузбасс как «угольный регион»

В дискурсивном поле Кузбасса наибольшая ценность присвоена углю. Угледобыча как доминирующая дискурсивная практика характеризуется основным вкладом в экономику региона, масштабным изменением окружающей среды и широким смысловым содержанием. Прежде всего устанавливается однозначное символическое соответствие между ресурсом и ландшафтом. Уголь метонимически представляет Кузбасс, за которым давно закрепилось представление как о «главном угольном регионе», «угольном сердце» России.

Ключевую роль в представлении угля как главной ценности региона имеют субъекты государственного управления (органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица). Они производят широкий спектр действий и высказываний, которые обеспечивают доминирование и легитимность определенных интересов, проектов и материальных вмешательств. Одним из наиболее заметных символических жестов последних лет является утверждение в 2019 г. указом Президента России в качестве второго официального наименования Кемеровской области названия Кузбасс, изначально использовавшегося для обозначения Кузнецкого каменноугольного бассейна, который совпадает с большей частью территории региона (Матющенко 2018). Это событие было стратегически использовано в политике памяти и региональной идентичности в контексте масштабного празднования 300-летия Кузбасса, которое прошло в 2021 г. Кемеровская область, ставшая самостоятельным регионом

во время Великой Отечественной войны и недавно отмечавшая 75-летие, «превратилась» в Кузбасс, три столетия занимающийся освоением угля (Нагрускин 2018). Конструирование представлений о прошлом «генетически» связывает развитие региона с угледобычей, приводит к их символическому «сращиванию».

В дискурсе государственного управления позитивное ценностное содержание угля как «судьбы» раскрывается через следующие конструкции:

- от отрасли зависит благополучие жителей региона, она обеспечивает рабочие места и достойный заработок: «Сегодня 2/3 населения региона напрямую связаны с угольной промышленностью — это шахтеры и работники смежных отраслей, их семьи» (Министерство промышленности... 2024);
- это ресурс национального и мирового значения, которым может обеспечить регион: «Уголь является важнейшим элементом топливно-энергетического баланса России. Президент Владимир Путин всегда поддерживает Кузбасс, шахтеров и принимает много решений, направленных на развитие основного угледобывающего региона страны. Кузбасс сможет обеспечить возрастающую мировую потребность в угле» (Астапкович 2024);
- уголь является стержнем региональной экономики: «Он объединяет металлургию, машиностроение, транспортную отрасль в единое целое. И мы это называем традиционной для Кузбасса экономикой» (Рюмин 2023);
- динамика его присутствия в общественной жизни (спрос, цены, стандарты и нормативы, коллективные представления) поддерживает регион как *ландшафт развития*. Различные «вызовы» являются условием конкурентоспособности и продвижения инноваций, связанных с научными разработками, новыми технологиями и оборудованием, поиском эффективных условий транспортировки и рынков сбыта.

Приоритетная ценность угля поддерживается дискурсивной практикой угольного бизнеса. Для него ресурс ценен как источник колоссальной прибыли. На уровне публичной коммуникации преимущественно происходит репликация тех значений, которые приписываются государственной властью.

Следует подчеркнуть, что присвоение ценности углю ввиду его стратегического значения является частью политического дискурса, служит для легитимации власти, социального контроля и ориентации. Дискурсивная практика угледобычи характеризуется иерархией ценностей, которая нередко маскируется. Наиболее явные противоречия наблюдаются в соотношении уровня языкового выражения и материального действия.

Так, публичная коммуникация зачастую направлена на формирование идеализированного образа отрасли, одобрительного, соответствующего ожиданиям. Вербальный дискурс оказывается замкнутым на себя, самореферентным. Уголь представляется как исключительный источник благополучия региона, чрезмерный акцент делается на выгодах от угледобычи, а негативные последствия затушевываются или исключаются из публичного поля. При этом конкретные решения и проекты, как и распределение доходов от реализации угля, осуществляются в пользу отрасли.

Для добывающих предприятий дискурс ответственного бизнеса зачастую также используется как маскировочный, камуфлирующий хищническую эксплуатацию природы и погоню за рентой. Большинство компаний публично заявляет в качестве основных ценностей безопасность, эффективность производства, заботу об экологии (см., например: Стратегия 2024). Однако практики реализации проектов добычи, как и их последствия, с очевидностью соответствуют ценностям капитализма, поддерживающим снижение издержек. В добывающих отраслях, непроизводственных, направленных на экстенсивное «присвоение природы», перспектива быстрого обогащения формирует прагматическое поведение. В таком контексте ответственность и устойчивое развитие распознаются скорее как *квазиценности*. Их «мнимый» характер подтверждается частыми нарушениями норм промышленной безопасности и экологических требований (см., например: Ларина 2024). Обратной стороной политики (экономической) ценности является *политика неценности*: в качестве расходуемых расцениваются здоровье работников отрасли (нередкими являются производственные травмы, как и гибель шахтеров из-за аварий), ландшафты и экосистемы (например, снижение плодородности почв, глубокие и необратимые изменения окружающей среды), повседневная жизнь местного населения (случаи «безвыходного» переселения или невыгодных компенсаций, разрушение чувства места, привязанности вследствие изменений окружающей среды добывающей деятельностью, которая также влияет на качество жизни).

На уровне деятельности угледобыча представляется как проект, который служит прославлению эксплуатации ресурсов, а не защите окружающей среды. В территориальном управлении ландшафт подчинен ценности ресурса. Местность существует исключительно для добычи угля, другие ее возможности стираются и не признаются. Она ценится не как экосистема; имеет значение только земля как точка доступа к недрам, социально-экологические особенности которой незначимы. Таким образом, горизонт использования земли ограничен, а все сопутствующие ландшафтные изменения и негативные экологические последствия принимаются

как допустимые и целесообразные. Манифестацией асимметрии ценностей в рамках добычи угля служит ставшая рутинной практика перевода земель из категории сельскохозяйственных в промышленные, сопровождающая динамику добывающих проектов. Она представляется как вопрос юридического плана, связанный с порядком учета и регистрации. Это не передача еще недавно востребованных в сельском хозяйстве земель, а факт надлежащего оформления многолетнего использования промышленными компаниями приобретенных земель или арендованных в связи с планами по расширению добычи (Зуев 2019). В таком ценностно-смысловом пространстве экология — это второстепенная, сугубо «техническая» проблема, которую необходимо решить для успешного развития угольной индустрии.

Ценностная позиция тех, кто продвигает угледобычу как основу жизни региона и «общее благо» взамен на экологические издержки, оказывается общественно неудовлетворительной. Текущий уровень жизни и состояние экологии явно указывают на несовпадение ценностей «на словах» и «в делах», а также между ценностями элит, политических и экономических, и общественности. В перспективе жителей региона существующая практика угледобычи становится *государственной антиценностью*. Региональное общество приписывает отрицательную значимость именно деятельности официальных лиц и структур, которые, как представляется, нередко готовы пренебречь своими обязательствами в области прав человека и охраны окружающей среды в угоду бизнесу:

Властям нужно сейчас, а там потом хоть трава не расти; Да пусть, сразу закопают всё население...; Наше правительство помешалось на «бабках» от угля! Успевают урвать кусок, пока они у власти, не думая о последствиях для людей и экологии!!! Уже как шахтеры дышим углем, ягоды и зелень — всё покрыто угольной пылью! (Комментарии... 2024).

Золото: Кузбасс как регион (не)драгоценных ресурсов

Регион прочно ассоциируется с «черным золотом», однако гораздо менее известным и распространенным является факт, что сопоставимую с освоением угля историю имеет золотодобыча. Таким образом, дискурсивная практика добычи полезных ископаемых в регионе неоднородна. Хоть это и драгоценный металл, востребованный и с высокой рыночной стоимостью, золоту придают гораздо меньшую ценность, чем углю. В публичном поле складывается практика *двойных стандартов ценности* природных ресурсов и ландшафтов, которая демонстрирует различное

применение норм, законов, оценок к однотипным действиям различных субъектов.

В публичной коммуникации обнаруживается антагонизм ценностных перспектив ключевых акторов. Позиция субъектов государственного управления основана на отрицательном символическом заряде, приписываемом добыче золота. Представление данной отрасли региональной властью не содержит сведений об экономической эффективности или риторичку общего блага и регионального развития. Во-первых, акцент делается на том, что добыча россыпного золота ухудшает состояние водоемов; во-вторых, обсуждение фокусируется на вопросах юридического оформления. Принятое в 2015 г. на федеральном уровне решение о выдаче лицензий на золотодобычу по упрощенному заявительному принципу привело к появлению большой концентрации предприятий, которая сопровождалась значительными негативными последствиями для окружающей среды региона. Драги, проходя по дну реки, зачерпывают глину и песок, далее «мутная» вода направляется в дамбы и отстойники для промывки грунта и получения золотого песка. Кроме того, добыча россыпного золота приводит к масштабной деградации природных ландшафтов, сопровождаясь нарушением естественного русла рек, значительной эрозией земель, уничтожением пойменных лесов. Региональные власти, расценивая деятельность золотодобывающих предприятий как разрушительную и нежелательную, в 2020 г. добились введения в Кузбассе запрета на выдачу таких лицензий на ключевых территориях региона. Кроме того, гораздо меньшая ценность золота по сравнению с углем проявляется в публичных отношениях, устанавливаемых с добывающими предприятиями. Если деятельность угольных компаний можно охарактеризовать как основанную на взаимной лояльности, региональная власть зачастую занимает оправдательную и извинительную позицию по поводу нежелательных последствий их деятельности, то в отношении золотодобытчиков обнаруживается обвинительная, осуждающая риторика. Помимо этого, в обсуждении добычи золота часто присутствует фигура «недобросовестного старателя», нарушающего многие нормы или вообще действующего нелегально. Таким образом, в дискурсе региональной власти существует «плохая» золотодобыча, которую надо регулировать и контролировать через организацию проверок, рейдов надзорных органов, наложение штрафов на нарушителей, приостановку деятельности предприятий. В публичных заявлениях экологические ценности главенствуют над экономической ценностью освоения золотых запасов, а реки расцениваются как часть окружающей среды, которую нужно спасать и охранять от воздействий.

В дискурсе золотодобывающих компаний значения многим реалиям приписаны иначе. Помимо очевидной экономической выгоды, ценность добычи драгметалла для бизнеса заключается в создании рабочих мест, а также в возможности развития экономики региона в ситуации кризиса или спада угольной отрасли. Золотодобыча артикулирована как деятельность, стесненная многими обстоятельствами, препятствующими созданию ценности. С позиции бизнеса процедура приобретения лицензий на разведку и добычу золота громоздка, затратна, а также занимает длительный период, учитывая многоступенчатые экспертизы проектов. Экологические последствия этого вида недропользования зачастую представлены слишком преувеличенно. Заявления региональной власти расцениваются как предвзятые, неоправданно уравнивающие вред добычи угля и золота. Следует признать, что даже на уровне обыденного восприятия объемы угольной промышленности, ее технологии воздействуют на окружающую среду гораздо более интенсивно и масштабно. Кроме того, в дискурсивной практике золотодобытчиков в экологической системе рек ценится ее способность к самовосстановлению: вода очищается, нарушенный грунт выравнивается, в реки и ручьи возвращается рыба. Это отличает ее от угольных разрезов, где длительная рекультивация земель невозможна без человеческих усилий (например, нанесения плодородного слоя почвы, внесения удобрений, вспашки (рыхления), посева трав, посадки кустарников и деревьев, полива при недостатке влаги).

Несогласованность оценок в дискурсивном поле золотодобычи делает его более открытым для оспаривания (по сравнению с угольной отраслью). В публичном пространстве позиция общественности более заметна, активисты включаются в политический процесс установления и контроля над ценностями природных ресурсов и ландшафтов. Дискурс общественности представляет речные ландшафты как существующие для поддержания общего экологического состояния региона, бытовых нужд и туризма. В обсуждениях они фигурируют через визуальное качество: «чистые» и «прозрачные» реки противопоставляются ставшим из-за деятельности золотодобытчиков «мутными», «грязными», «желтыми». В дискурсивной практике активной общественности реки присутствуют как объект заботы, ответственности, морального долга.

Кроме того, общественность вовлекается в практики производства знания, создавая области альтернативной значимости и отношения к природе. Речь идет о мониторинге состояния водоемов и приречных территорий, на которых может сказываться золотодобыча. В процессах экологической оценки, связанных с работой органов государственного

контроля и надзора, окружающая среда существует как внешний, пассивный объект наблюдения. «Формальное» отношение складывается не только в силу унифицированных и нормированных процедур экспертизы, но и из-за малой численности сотрудников и их слабой технической обеспеченностью в условиях большого количества предприятий на огромных по площади (и зачастую удаленных) территориях золотодобычи. Для общественных групп, таких как «Чистые реки Кузбасса» и «Золотари», а также инициативных местных жителей через наблюдения за состоянием рек в районах, фиксацию изменений и загрязнений, информирование контролирующих органов речной ландшафт становится агентом, «союзником» в продвижении более экологически безопасных практик природопользования. Они «совместно» добиваются крупных штрафов для нарушителей и даже приостановки их деятельности, соблюдения золотодобывающими компаниями природоохранных норм.

В борьбе за превосходство значений в дискурсивном поле добычи золота обнажаются многие зачастую замалчиваемые и непроговариваемые реалии. Столкновение дискурсивных практик субъектов государственной власти и активной общественности позволяет высветить неблагоприятные, разрушительные меры и решения. Так, выдача лицензий на добычу золота по-прежнему продолжается; мелкие штрафы за нарушения природопользования проходят для компаний незаметно, так как несопоставимы с размерами прибыли; государственные органы реагируют на обращения жителей крайне медленно, некоторые и вовсе остаются незамеченными. В центре конфликта ценностей, вокруг которого нередко разворачивается деятельность активистов, находится проблема «общего блага», которым управляют несправедливо, не в интересах жителей:

Я не против развития промышленности в нашем регионе. Дело в том, что она развивается варварским способом. И кажется, что ни один грамм золота не оседает в городском бюджете Тисуля, Тяжина и других депрессивных городков Кузбасса. Ну и конечно бедные реки. А это ведь часть общей экосистемы (Васильева 2023).

В публичном поле золотодобычи отсутствует оптимальный баланс частных и публичных (государственных, муниципальных и общественных) интересов при использовании природного ресурса. В его основе — неявное наличие ценностных диспозиций, в которых приоритет отдается извлечению ресурса перед соблюдением норм природопользования, ответственной деятельностью и заботой об окружающей среде.

Древесина: ценный ресурс (для) Кузбасса

Несмотря на интенсивное развитие добывающих отраслей, требующее всё новых территорий, и высокую степень урбанизации, более половины общей площади земельного фонда Кузбасса занята лесными массивами. Лес в ценностной картине ресурсного региона также становится «ресурсом» и объектом промышленного освоения. Хотя в общем объеме валового регионального продукта и экспорта доля лесозаготовки и переработки древесины невелика, в денежном эквиваленте она оказывается внушительной. Лесоматериалы ценны в первую очередь экономически, особенно когда обеспечивают экономический рост, связанный с возрастанием объемов экспорта (Соколова 2024).

Смысловой канвой дискурсивного поля лесопользования служит экономика ремонта. Поскольку лес является возобновимым ресурсом (в отличие от исчерпаемых угля и золота), логика обращения с ним обретает характер обслуживания. Оно подразумевает систематическое использование, для обеспечения которого необходимо вовремя восстанавливать неисправности и планомерно обновлять детали. Гегемонную артикуляцию значений задают субъекты государственной власти. В публичной коммуникации ведение лесного хозяйства не связано с риторикой долга, гордости, которая определяет общественные представления об угле. Руководящей для данной отрасли является ценность устойчивого развития. Ею управляют так, чтобы не только удовлетворить текущие запросы и потребности, но и обеспечить долгосрочное развитие. Промышленное освоение леса осуществляется при соблюдении норм и постоянном контроле фактической реализации древесины, поскольку она не должна превышать объема, разрешенного для вырубki без ущерба для экологии региона. Если в дискурсивных практиках полезных ископаемых уголь и золото символизированы как безответный дар природы, получение которого связано с романтикой кладоискательства, одержимостью, прагматикой «ресурсной лихорадки», то лесопользование обозначается как бартер, прямой обмен. Это неистощительные отношения между человеком и природой, которые невозможны без проведения мероприятий по лесовосстановлению, в том числе без высадки новых деревьев. «Устойчивость» предполагает специфические практики «обслуживания» леса как природного ресурса: лесничества, располагающие необходимой техникой, обеспечивают патрулирование лесов, предотвращение, обнаружение и ликвидацию лесных пожаров (Ананьева 2024).

Дискурс рационального освоения леса реализуется в нескольких направлениях. Он тесно связан с представлением о комплексном использо-

вании изымаемых ресурсов. Лес, в отличие от экстенсивной непроизводительной эксплуатации полезных ископаемых как сырья, вовлекается в процессы производства. Деятельность деревоперерабатывающих предприятий обеспечивает эффективное и своевременное оснащение строительных объектов в регионе (Павлова 2022). Переработка низкосортной древесины и отходов от заготовки леса также способствует не только улучшению экологического и санитарного состояния экосистем, но и диверсификации экономики региона. Кроме того, рациональное лесопользование раскрывается через значения легальности. Нарушения лесного законодательства и незаконные вырубki противоречат доминирующим ценностям и определяются как нецелевое расходование ресурсов. В такой категоризации деятельности артикулируется коллективная идентичность. Она выстраивается через представления о праве на владение ресурсом: те, кто ведет свою деятельность незаконно, претендуют на «чужую» ценность, соответственно отделяются, противопоставляются тем, кто может полноправно распоряжаться ею. Дополнительные смыслы появляются в случаях незаконного вывоза из Кузбасса за границу лесоматериалов. В ситуации, юридически оформленной как «контрабанда стратегически важных ресурсов в крупном размере», регион как «владелец ресурсов» сталкивается с «неместным Другим»: «Иностранец незаконно вывозил наш бесценный лес» (Болдырев 2024). Для оценки деятельности «черных лесорубов», злоупотребляющих использованием общезначимого материала, мобилизуются аргументы из более широких культурных систем ценностей или порядков значимости. Она семантически помещается в пространство этических ценностей. Региональные представления о природных ресурсах построены на неприятии воровства, преступное похищение «чужой» ценности расценивается как возмутительное.

Дискурсивно леса лишь незначительным образом оказываются связанными с полем экологических смыслов. Только фактически нанесенный существенный ущерб становится достаточным для принятия срочных мер по ликвидации негативных последствий (Лесоперерабатывающее предприятие... 2023). Сохраняющийся пока высокий потенциал устойчивости лесных экосистем создает видимость, что нарушение их состояния может происходить безнаказанно. Так, одной из ключевых целей освоения леса остается освобождение территорий для угледобычи — строительства технических объектов, размещения отвалов. Для промышленных потребностей огромные площади лесов подвергаются сплошной вырубке, нередко задолго до согласования соответствующей проектной документации. Подобное отношение вызывает обеспокоенность общественности, поскольку происходит «дистанцирование», отбрасывание социально-эколо-

гических особенностей ландшафтов, оперирование ими как абстрактными, однородными, взаимозаменяемыми, не более чем позицией на карте:

Пора выводить из тени и наносить на карту угледобычи леса, тайгу и населенные пункты. Иначе скоро мы придем к тому, что графически отсутствующие объекты превратятся в фактически отсутствующие, а карта недр будет отражать реальную ситуацию в области, где нет ни тайги, ни деревень (Угледобыча угрожает лесам Кузбасса 2019).

При этом именно угледобывающие компании наиболее активно участвуют в «компенсации» леса: в публичном поле регулярно появляются сообщения о высадке деревьев и кустарников в рамках работ по рекультивации, лесовосстановлению и экологических акций на территории региона («Кузбассразрезуголь»... 2023).

В дискурсивной практике регионального управления леса задействованы избирательно. Их ценность ограничена экономической стоимостью, а возможности сведены к тому, чтобы деревья ждали освоения и были вырублены. Это становится ясным через различия по отношению к тому, как леса не оцениваются, а именно как экосистемы, имеющие большое значение в регулировании и сохранении экологического баланса окружающей среды, здоровья населения.

Кузбасс туристический

Климатические и природно-географические условия Кузбасса определяют как длительную историю промышленной деятельности, так и развитие туризма. В пространстве ресурсного региона все более активным становится извлечение ценности не только из веществ и материалов, но и из ландшафтов. Если освоение отдельных природных ресурсов (уголь, золото, лес) основано преимущественно на оперировании их материальными свойствами и возможностями (ценность помещается в сам объект и условия его добычи и транспортировки), то в экстрактивных практиках, связанных с туристической деятельностью, ценность окружающей среды ей внеположена. В дискурсивной практике туризма ландшафты и места задействованы в большей степени через символическое. Их значимость — в добавленном смысле, в медиации, обеспечении доступности эмоционального и физического опыта. В связи с этим отдельные места и местности существуют нередуктивно, важны не отдельные их элементы, а целостное, комплексное присутствие.

В экономическом поле туризм ценится как приоритетная отрасль современной кузбасской экономики, о чем свидетельствует активное участие

губернатора региона, разработка и реализация большого количества новых программ и проектов, привлечение значительных средств в продвижение отрасли. Например, в Кузбассе принята программа развития туризма до 2030 г. (Постановление Правительства Кемеровской области 2023). Публичный дискурс о туризме определяется такими вербальными формулами, как инвестиции, конкурентоспособность, объемы вложений, высокий экономический потенциал, темпы роста. Помимо распространенных преимуществ, связанных с созданием новых рабочих мест, увеличением государственных доходов за счет налоговых поступлений, стимулированием новых видов предпринимательской деятельности, ценность туризма раскрывается в его имиджевом потенциале. Туристическая индустрия становится локусом культурной политики, в которой артикулируется новый образ Кузбасса — не как индустриального, грязного, отсталого, а динамичного и развивающегося. В этом акте преодолевается устойчивый для региона механизм, состоящий в однозначной символизации (вроде «Кузбасс — уголь»). В дискурсе туризма Кузбасс обозначается разносторонним и в этом смысле универсальным, обеспечивающим исчерпывающий диапазон смыслов и опытов. С развитием отрасли связан еще один важный ценностный сдвиг: традиционно воспринимавшийся как «регион тяжелого труда», Кузбасс становится востребованным пространством *отдыха*.

В дискурсивном поле туриндустрии артикулированы несколько совокупностей смыслов. В качестве «туристически ценных» определяются природные ландшафты. В качестве таковых артикулируются местности не в прямом смысле естественные, сформированные без вмешательства человека. Напротив, привлекательность «взаимодействия с природой» возрастает с повышением комфорта, которая обеспечивается благоустройством, строительством дорог и гостиниц, организацией досуга и сферы услуг. Дискурсивная практика туризма задействует «изобретенную природу», предполагающую сохранение того, что появилось без участия человека (горы, леса, озера), с «аккуратными» мероприятиями по его улучшению в соответствии с потребностями туристов. Так, особый рекреационный потенциал многих горных районов, которые остались в значительной степени не затронутыми урбанизацией и индустриализацией, способствует развитию горного туризма, особенно горнолыжного и снегоходного. Стратегическую значимость приобрели привлекательные ландшафты около поселка Шерегеш, в районе которого сформировался масштабный спортивно-туристический комплекс, все больше пользующийся спросом у инвесторов и туристов со всей страны. Ценность горных ландшафтов определяет территориальное развитие, которое связано

со строительством и модернизацией инфраструктуры — транспортной, в том числе реализацией проекта строительства аэропорта в непосредственной близости, гостиниц и туристических комплексов. Помимо этого, артикуляция ценностей нетронутой среды и «натуральных» ландшафтов лежит в основе развития рекреационного и экологического туризма. Благодаря задействованию мифологии «дикой природы» туристам оказываются доступны «величественные» горные вершины, «бескрайние» массивы тайги, «сибирские» бирюзовые озера. В смысловых координатах «естественного» разворачивается практика культурного и этнографического туризма, который состоит в получении особого опыта встречи с аутентичной средой, наследием, самобытной культурой. Этому способствует посещение музеев и культурных зон в местах компактного проживания коренных народов Кузбасса (шорцев и телеутов), этнографических комплексов, где воссозданы культура и быт древних коренных народов, проживавших на территории Сибири (с таинственными письменами первобытных людей, начертанными на скалах).

Другая стратегия ценности — включение в туристский оборот индустриальных ландшафтов. В 2022 г. в Кузбассе была разработана первая в России стратегия развития промышленного туризма, способствовавшая энергичному формированию туристических и экскурсионных программ на угольные разрезы, заводы химической и металлургической промышленности. Стратегический курс на развитие регионального туризма трансформирует значение промышленных и угледобывающих предприятий. Из смыслового горизонта исключаются представления об экологических последствиях, противоречиях и конфликтах. Меняется логика принадлежности: теперь «промышленное освоение региона» стало доступно не только узкой группе лиц в залеге профессиональной деятельности и производственных процессов, но и массе жителей и гостей региона с позиции эстетических ценностей и экономики впечатлений. Дискурсивная практика промышленного туризма задействует предприятия не как участвующие в производстве продукта и приносящие доход, а как области необычной, впечатляющей деятельности. Экскурсия открывает дверь в альтернативный мир, разрывает обыденное. Особая привлекательность кроется в статусе пространств предприятий: будучи раньше закрытыми для непосредственного опыта посторонних, в рамках промышленного туризма они становятся полупубличными. При этом вовлеченные стороны (региональные власти, компании, туристические фирмы) формируют особые ценностные установки туристов. Демонстрируя промышленные пейзажи, они стремятся подчеркнуть не историческое наследие региона, связанное с индустриальной эстетикой прошлого — большими дымящими

заводами, тяжелым опасным трудом, загрязненной и «покоренной» природой. Задача промышленного туризма — показать промышленность региона как современную, безопасную, высокотехнологичную и экологически ответственную, у которой «большое будущее».

Заключение

В статье продемонстрировано, что природные ресурсы и ландшафты составляют оспариваемую природу, результат борьбы за смысл и ценность. Современный Кузбасс — один из показательных примеров формирования особого *ресурсного ландшафта*, где вопросы территориального управления, природопользования и изменения окружающей среды разрешаются на основании того, что считается ресурсом и чьи ценностные перспективы оказываются приоритетными. В реализации дискурсивных практик осуществляются разные режимы экономической и социально-экологической ценности окружающей среды.

В дискурсивной борьбе уголь становится тем, что обозначает сам регион. Угледобыча представлена синонимом регионального роста, экономического развития и общественного благосостояния. В рамках дискурса такая ценностно-смысловая связь обеспечивает поддержку будущего угля даже перед лицом противоречивых свидетельств о снижении спроса и экологических загрязнениях в регионе. Доминирующая ценность угля ограничивает земельные и ресурсные возможности территорий узким набором значений. В «угольном ландшафте» земля предусмотрена исключительно для обеспечения доступа к ресурсу, поэтому ее местные экологические особенности, такие как рельеф, плодородность, экосистемы, лишаются ценности.

Золото характеризуется меньшей стратегической и экономической ценностью. Его освоение представляет конкурирующие дискурсивные практики региональной власти, добывающих компаний и активной общественности. В «золотом ландшафте» центральным фокусом борьбы за ценность являются реки. Возможности их использования сообразны тому, как они задействованы дискурсом — в качестве объекта охраны и защиты, как самовосстанавливающаяся экосистема или как область заботы и привязанности.

Потенциальная возобновляемость леса помещает его в иной режим ценности по сравнению с исчерпаемыми полезными ископаемыми, которым нередко соответствует хищническая добыча и погоня за рентой. Лесопользование в дискурсивной практике регионального управления характеризуется устойчивостью и рациональностью. Промышленное освоение леса происходит в смысловом горизонте «обслуживания». Ключ-

чевым ценностным приоритетом является легальность. В «лесном ландшафте» лес символически уравнивается с древесиной, фигурирует как отдельный «товар», а не экосистема, обеспечивающая источник кислорода или нейтрализующая вредные промышленные выбросы.

В «туристическом ландшафте» в ресурс превращается отдельная местность, взятая комплексно. Возможность извлечения ценности обеспечена в первую очередь благодаря направленной символической работе, а также проектам территориального управления, главным образом связанным с развитием туристской инфраструктуры. Дискурсивная практика туризма задействует природные и промышленные ландшафты как области впечатляющего, необычного, аутентичного опыта. Развитие туристической индустрии формирует новые значения для региона в целом, артикулируя новый имидж Кузбасса как «комфортного для отдыха».

Таким образом, ресурсный регион как особый ландшафт значений и материальных вмешательств определяется доминированием режима ценности, в котором приоритет промышленного освоения ресурса и его экономическая выгода обесценивают окружающую среду. Резонно предполагать, что выявленные дискурсы и практики однородны, поскольку они политически и экономически функционируют как формы ресурсо-ориентированного развития. Однако в качестве вывода важно подчеркнуть, что различные ресурсы представляются онтологически «различными» в том смысле, что все явления окружающей среды в определенной степени несоизмеримы, имеют разную материальность, территориальность и значимость. Они «разные», потому что несут разную символическую и ценностную нагрузку. Практики ресурсопользования по-разному преобразуют ландшафты, создавая различные проблемы и вызывая различные опасения. Ценностно-смысловое и материальное существование конкретных природных ресурсов и связанных с ними ландшафтов следует рассматривать как часть (дискурсивных) практик, в которых они задействуются.

Литература / References

Кожемякин Е.А. (2006) Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании. *Человек. Сообщество. Управление*, 3: 25–39.

Kozhemyakin E.A. (2006) Discourse analysis in modern social and humanitarian knowledge. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human being. Community. Management], 3: 25–39 (in Russian).

Колбовский Е.Ю. (2018) Культурный ландшафт: в разнообразии значений не утерявший смысл. *Наследие и современность*, 1(4): 8–22.

Kolbovskiy E.Yu. (2018) Cultural landscape: in a variety of meanings has not lost its meaning. *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modern Times], 1(4): 8–22 (in Russian).

Макноген Ф., Урри Д. (1999) Социология природы. Филиппов А.Ф. (ред.) *Теория общества: Фундаментальные проблемы*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле: 261–291.

Macnaghten Ph., Urri J. (1999) Sociology of Nature. In: Filippov A.F. (ed.) *Theory of Society: Fundamental problems*. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole: 261–291 (in Russian).

Ромашко Т.В., Гурова О.Ю. (2022) Постструктуралистская теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности. *Социодинамика*, 10: 46–59.

Romashko T.V., Gurova O.Yu. (2022) Poststructuralist Discourse Theory and its Methods of Analysis of Sociocultural Reality. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 10: 46–59 (in Russian).

Троцук И.В. (2015) *Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений*: дис. ... д-ра социол. н. М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»: 132–138.

Trotsuk I.V. (2015) Analysis of textual data in sociology: the basis for the systematization of conceptual models, methodological principles and methodological solutions: dis. ... doktora sociologicheskikh nauk Moscow: FGAOU VO «Rossijskij universitet druzhby narodov»: 132–138 (in Russian).

Филлипс Н., Харди С. (2009) Что такое дискурс-анализ? *Современный дискурс-анализ*, 1(1): 49–64 [<http://discourseanalysis.ru/ada1/st4.shtml>] (дата обращения: 10.03.2024).

Phillips N., Hardi S. (2009) What is discourse analysis? *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern discourse analysis], 1(1): 49–64 [<http://discourseanalysis.ru/ada1/st4.shtml>] (accessed: 10.04.2024) (in Russian).

Цзин А.Л. (2017) *Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ad Marginem Пресс.

Tsing A.L. (2017) The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Brichet N., Hastrup F. (2018) Industrious Landscaping: The Making and Managing of Natural Resources at Søby Brown Coal Beds. *Journal of Ethnobiology*, 38(1): 8–23.

Bridge G. (2009) Material Worlds: Natural Resources, Resource Geography and the Material Economy. *Geography compass*, 3(3): 1217–1244.

Calvert K., Greer K., Maddison-MacFadyen M. (2019) Theorizing energy landscapes for energy transition management: Insights from a socioecological history of energy transitions in Bermuda. *Geoforum*, 102, 191–201.

Davidov V. (2014) Land, Copper, Flora: Dominant Materialities and the Making of Ecuadorian Resource Environments. *Anthropological Quarterly*, 87(1): 31–58.

Escobar A. (1999) After Nature: Steps to an Antiessentialist Political Ecology. *Current Anthropology*, 40(1): 1–30.

Ey M., Sherval M. (2016) Exploring the minescape: engaging with the complexity of the extractive sector. *Area*, 48(2): 176–182.

Ferry E.E., Nash J. (2005) *Not Ours Alone: Patrimony, Value, and Collectivity in Contemporary Mexico Columbia*. New York: University Press.

Franquesa J. (2019) Resources: Nature, Value and Time. In: Carrier J. (ed.) *A Research Agenda for Economic Anthropology*. Cheltenham (UK): Edward Elgar: 74–89.

Heinich N. (2020) A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation. *Theory, Culture & Society*, 37(4): 75–94.

Labrador J.G., José O. (2020) Two Ontologies of Territory and a Legal Claim in the Ecuadorian Upper Amazon. *Journal of Political Ecology*, 27(1): 496–516.

Li F., Velásquez T.A. (2022) Water and conflict. In: D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.) *The Anthropology of Resource Extraction*. London: Routledge: 203–220.

Li T.M. (2014) What is land? Assembling a resource for global investment. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 39(4): 589–602.

Mateer J., Springer S., Locret-Collet M. (2022) Introduction — The political ecology of resource and energy management beyond the state. In: Mateer J., Springer S., Locret-Collet M. (eds.) *Energies beyond the state: anarchist political ecology and the liberation of nature*. Lanham: Rowman & Littlefield: 1–14.

McAuliffe C., Rogers D. (2019) The politics of value in urban development: Valuing conflict in agonistic pluralism. *Planning Theory*, 18(3): 300–318.

Neumann R.P. (2011) Political ecology III: Theorizing landscape. *Progress in Human Geography*, 35(6): 843–850.

Nuttall M. (2022) Environmental change. In: D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.) *The Anthropology of Resource Extraction*. London: Routledge: 59–76.

Peša I., Ross C. (2021) Extractive industries and the environment: Production, pollution, and protest in global history. *The Extractive Industries and Society*, 8(4): 100933. DOI: 10.1016/j.exis.2021.100933.

Peterson A. (1999) Environmental Ethics and the Social Construction of Nature. *Environmental Ethics*, 21(4): 339–357.

Reinecke J. (2012) The Politics of Value: The work of value entrepreneurs in shaping categories. *Academy of Management Proceedings*, 1: 1–1. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2012.320>.

Schöneich S. (2023) *Living on a Time Bomb: Local Negotiations of Oil Extraction in a Mexican Community*. New York and Oxford: Berghahn Books.

Steinert S. (2023) Sociology and Value. In: *Interdisciplinary Value Theory*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan: 33–50.

Источники

«Кузбассразрезуголь» в 2023 году высадил в Кемеровской области более 1,5 млн деревьев и кустарников (2023) *ВЕСТИ Кузбасс* [<https://vesti42.ru/news/kuzbassrazrezugol-v-2023-godu-vysadil-v-kemerovskoj-oblastibolee-15-mln-derevev-i-kustarnikov/>] (дата обращения: 23.04.2024).

Администрация Правительства Кузбасса (2020) Единственное в России министерство угольной промышленности создано в Кузбассе. *Пресс-центр Администрации Правительства Кузбасса* [<https://ako.ru/news/detail/edinstvennoe-v-rossii-ministerstvo-ugolnoy-promyshlennosti-sozdano-v-kuzbasse>] (дата обращения: 05.04.2024).

Ананьева Т. (2024) Сергей Цивилев: для патрулирования лесов в Кузбасс закуплена новая техника. *Кузбасс : областная газета* [<https://kuzbass85.ru/2024/04/19/sergej-cziviljev-dlya-patrulirovaniya-lesov-v-kuzbass-zakuplena-novaya-tehnika/>] (дата обращения: 22.04.2024).

Астапкович В. (2024) Цивилев: Кузбасс сможет обеспечить возрастающую мировую потребность в угле. *РИА Новости* [<https://ria.ru/20240127/ugl-1923870511.html>] 27.01.24] (дата обращения: 07.04.2024).

Болдырев А. (2024) В Кузбассе наказали контрабандиста из Китая. *Комсомольская правда* [<https://www.kem.kp.ru/online/news/5759261/>] (дата обращения: 11.04.2024).

Бормотова Е. (2018) И.о. замгубернатора Кузбасса по промышленности, транспорту и экологии стал Андрей Панов. *Комсомольская правда* [<https://www.kem.kp.ru/daily/26878/3921363/>] (дата обращения: 29.03.2024).

Васильева О. (2023) Комментарий к записи: Полный список золотодобывающих компаний, работающих в Кузбассе на 01.01.2023 года. *Официальное сообщество «Чистые реки Кузбасса»* [https://vk.com/wall192937205_12022] (дата обращения: 05.04.2024).

Зуев Ю. (2019) Власти Кузбасса назвали передачу сельхозземель угольщикам «сложным трудом». *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/4019847>] (дата обращения: 16.04.2024).

Комментарии к: Левчук А. (2024) Вместо совхоза — отвалы: власти Кузбасса за день передали угольщикам 2,5 млн кв. м сельхозземель. *NGS42.RU* [<https://ngs42.ru/text/ecology/2024/02/20/73247546/>] (дата обращения: 13.04.2024).

Ларина А. (2024) На ряде шахт Кемеровской области остановили работы из-за нарушений. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/6560350>] (дата обращения: 05.04.2024).

Лесоперерабатывающее предприятие в Кузбассе нанесло вред природе на 600 000 рублей (2023) *Vse42.ru* [https://news.rambler.ru/ecology/51142531/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink] (дата обращения: 30.03.2024).

Матющенко Ю. (2018) Закон о равнозначных наименованиях. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/3841069>] (дата обращения: 07.04.2024).

Министерство промышленности и торговли Кузбасса (2024) Угольная промышленность. *Виртуально-выставочный комплекс Промышленность Кузбасса* [<https://vvk-kuzbass.ru/industries/ugolnaya-promyshlennost/>] (дата обращения: 28.03.2024).

Натрускин А. (2018) Губернатор объяснил, откуда появилась дата празднования 300-летия Кузбасса. *РИА Новости* [<https://ria.ru/20181011/1530443337.html>] (дата обращения: 11.04.2024).

Ожегов С.И. (1975) Ресурс. Шведова Н.Ю. (ред.) *Словарь русского языка*. М.: Русский язык [<https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27042>] (дата обращения: 24.03.2024).

Павлова О. (2022) «Алтайлес» построит в Кузбассе деревоперерабатывающий комбинат за 2,6 млрд рублей. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/5413696>] (дата обращения: 06.04.2024).

Постановление Правительства Кемеровской области — Кузбасса от 29.09.2023 № 632 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области — Кузбасса «Развитие туризма Кузбасса» *Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области — Кузбасса* [<https://ako.ru/bulletin/319368>] (дата обращения: 05.04.2024).

Рюмин А. (2023) Глава Кузбасса Сергей Цивилев: уголь объединяет все отрасли в единое целое. *ТАСС* [<https://tass.ru/interviews/18743947>] (дата обращения: 15.04.2024).

Соколова А. (2024) Объем экспорта лесоматериалов из Кузбасса значительно вырос за месяц. *МК в Кузбассе* [<https://www.mk-kuzbass.ru/economics/2024/04/10/obem-eksporta-lesomaterialov-iz-kuzbassa-znachitelno-vyros-za-mesyac.html>] (дата обращения: 15.04.2024).

Стратегия (2024) *Официальный сайт ПАО «Распадская»* [<https://raspadskaia.com/ru/company/strategy/>] (дата обращения: 10.04.2024).

Угледобыча угрожает лесам Кузбасса (2019) *Журнал «ЛПК Сибири»* [<https://lpk-sibiri.ru/forest-management/protection-of-forests/ugledobycha-ugrozhaet-lesam-kuzbassa/>] (дата обращения: 05.04.2024).

ARTICULATION OF THE VALUE OF NATURAL RESOURCES AND LANDSCAPES IN THE DISCURSIVE PRACTICES OF KUZBASS

Alexandra Piskunova
(alexpiskunova@mail.ru)

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS of the RAS,
St. Petersburg, Russia
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Piskunova A. (2025) Articulation of the value of natural resources and landscapes in the discursive practices of Kuzbass. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 133–159 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.6> EDN: BZWBBE

Abstract. The article is devoted to the discourse on natural resources and landscapes of Kuzbass as a way to establish their value. Such discursive work, as the author shows, influences the development of nature. Resource use is necessarily related to the questions of what exactly matters in the environment and how it should be evaluated. Appealing to the theory, the author demonstrates that natural resources and landscapes do not have universal value, but acquire it in the processes of competition and struggle of values. Arguments are given in favor of understanding natural objects within the implementation of discursive practices, the scope of which extends both to the level of language and to the level of action in a specific socio-material space. Based on the analysis of the materials of the Kuzbass public discourse, four discursive fields related to four types of natural resources of the region are identified. First, coal mining, which is gaining a dominant symbolic status. Coal metonymically represents the region and is valued for economic development and well-being. In this regard, the Kuzbass landscape is discursively subordinated to the value of a resource, for which the lands are managed as a «resource location» devoid of local features. Secondly, gold mining, which is present on the periphery of the region's public discourse. It is characterized by less consistency and fixed values. Value contradictions are associated with the definition of the impact on river landscapes, which gain different material capabilities and properties in the discursive practices of gold mining companies, government and the active public. Thirdly, practices of forest management that embody the values of sustainable and rational nature development. The discursive practice of regional government enacts the forest as a potential commodity (wood), discarding its significant ecosystem functions. Fourth, the tourism potential of the territory, which relates to both natural and industrial landscapes. The article concludes that in the articulation of discourses by various actors, the same natural objects (subsoil, forests, reservoirs, etc.) acquire different value, semantic and material existence.

Keywords: natural resources, coal mining, gold mining, forest management, tourism, landscape, values, Kuzbass, resource region.